

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-231-238

САДОВСКИЙ Ян Владимирович,
ассистент кафедры теории права и государства
ФГАОУ ВО «Российский Университет Дружбы Народов
имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: sadovskiy-yav@rudn.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО У КАРЛА ШМИТТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу «Понятия политического» Карла Шмитта в контексте его философии истории и конституционной теории. Центральный тезис состоит в том, что единство веймарских работ Шмитта обнаруживается в стремлении найти формы политико-правовой интеграции общества в условиях безудержной рационализации, что привело его к элиминации всех рациональных опосредований и возведению различия друга и врага в конститутивный принцип политического. Прослеживается, как шмиттовский диагноз эрозии государственной власти — плюрализация политического процесса, экспансия административного управления, подчинение нормотворчества императивам научно-технического прогресса. Делается вывод о том, что актуальность шмиттовского наследия заключается в постановке фундаментального вопроса о возможности демократического управления процессом рационализации, который в условиях глобализации и цифровизации приобретает ещё большую остроту.

Ключевые слова: Карл Шмитт, понятие политического, государственный суверенитет, эрозия государственной власти, рационализация, тотальное государство, плюрализация, конституционная теория, философия истории, научно-технический прогресс, правовое регулирование, демократия, политическая теология.

SADOVSKY Yan Vladimirovich,
Assistant Professor,
Department of Theory of Law and State,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ON CARL SCHMITT'S CONCEPT OF THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF A STATEHOOD CRISIS

Annotation. This article analyzes Carl Schmitt's "Concept of the Political" in the context of his philosophy of history and constitutional theory. The central thesis is that the unity of Schmitt's Weimar works is revealed in the desire to find forms of political and legal integration of society in the context of rampant rationalization, which led him to eliminate all rational mediations and elevate the distinction between friend and enemy to the constitutive principle of the political. It traces how Schmitt's diagnosis of the erosion of state power—the pluralization of the political process, the expansion of administrative governance, and the subordination of norm-setting to the imperatives of scientific and technological progress. It concludes that the relevance of Schmitt's legacy lies in its fundamental question of the possibility of democratically managing the process of rationalization, which is becoming even more pressing in the context of globalization and digitalization.

Key words: Carl Schmitt, concept of the political, state sovereignty, erosion of state power, rationalization, total state, pluralization, constitutional theory, philosophy of history, scientific and technological progress, legal regulation, democracy, political theology.

Осмысление внутренней взаимосвязи между философией истории, культурной критикой и конституционной теорией в творчестве Карла Шмитта, рассмотренных через призму его ключевого произведения «Понятие политического» [1], представляет собой одну из наиболее глубоких задач его учения. Эта проблематика заслуживает пристального внимания не только как вклад в изучение наследия Шмитта, но и как исследование фундаментальных трансформаций государственности, актуальность которых не ослабевает и в наше время.

Исходным пунктом анализа служит констатация парадоксальной ситуации, сложившейся в научной рецепции наследия Шмитта. Работа Томаса Вестинга «*Erosionen staatlicher Herrschaft. Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt*», опубликованная в 1992 году в журнале *Archiv des öffentlichen Rechts* [2], представляет собой одну из наиболее глубоких попыток осмыслить внутреннюю взаимосвязь между философией истории, культурной критикой и конституционной теорией в творчестве Карла Шмитта, рассмотренных через призму его ключевого произведения «Понятие политического». Данная статья заслуживает пристального внимания не только как вклад в концепции осмысления наследия Карла Шмитта, но и как исследование фундаментальных трансформаций государственности, актуальность которых не ослабевает и в наше время. Если ранее крупнейшие критики — Герман Хеллер [3], Хельмут Кун [4], Лео Штраус [5], а затем Карл Лёвит [6], обнаруживший единство шмиттовского мышления в «активном нигилизме», — безоговорочно распознавали антилиберальную направленность «Понятия политического», то к концу 1980-х годов наметилась тенденция к полной реабилитации Шмитта. Целый ряд авторов стал представлять его преимущественно как мыслителя, проникнутого католической верой и лояльностью к Веймарской конституции, чьи интеллектуальные плоды в полной мере раскрылись лишь в Основном законе ФРГ. Эта позиция вызывает обоснованные сомнения: даже наиболее значимые интерпретации Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде [7] и Генриха Майера [8], при всей их глубине, страдают известной односторонностью — первый ограничивается поиском ключа к государственно-правовому наследию Шмитта, второй сосредоточивается исключительно на политической теологии, культурной критике и историософии. = А.Ф. Филиппов [9], автор одной из наиболее фундаментальных работ о Шмитте на русском языке, также обращал внимание на необходимость интегрального подхода к шмиттовскому наследию, подчёркивая, что разделение различных измерений его мысли неизбежно ведёт к утрате понимания целого.

Центральный тезис предлагаемого подхода состоит в том, что единство веймарских работ Шмитта следует искать в его поисках возможности политико-правовой интеграции буржуазного общества в условиях безудержной рационализации. Именно попытка осмыслить последствия процесса рационализации для государства, права и политики толкала Шмитта на протяжении 1920-х годов ко всё большей радикализации его позиции, к поиску всё новых форм харизматической первоизданности. В «Понятии политического» этот миф чрезвычайного возводится до экзистенциального волевого акта различения друга и врага, который, по замыслу Шмитта, только и способен конституировать нацию как подлинное политическое единство.

Генезис шмиттовской критики рационализма и Просвещения прослеживается начиная с ранней работы о «Северном сиянии» Теодора Дойблера [10], где уже присутствуют мотивы преимущественно католически окрашенной культурной критики, объединяющей, по наблюдению Гюнтера Машке [11], элементы из сочинений католических теократов Доносо Кортеса [12], де Местра [13] и де Бональда [14]. Эти мотивы обнаруживаются вновь в «Политической теологии» [15], в «Римском католицизме и политической форме» [16], где Шмитт с помощью «римско-католического понятия природы» ведёт борьбу против рационалистически-технизированного мира протестантизма. В «Понятии политического» Шмитт продолжает эту линию, документируя своё убеждение в том, что всякое наивное отождествление господства над природой с нравственно-практическим совершенствованием утратило свои основания к началу XX века. С победой английского капитализма над военным империализмом Наполеона, диагностирует Шмитт, единство прогрессистской веры и промышленно-технического развития было разрушено и необратимо начался «поворот к экономическому» [17]. При этом Шмитт развивает тонкое чувство последствий процесса рационализации, который угрожает разрушить все традиционные общественные формы и в конечном счёте сам становится движущей силой исторического развития.

Особого внимания заслуживает шмиттовская историософия, наиболее отчётливо выраженная в барселонском докладе 1929 года «Эпоха нейтрализаций и деполитизаций». Здесь Шмитт толкует развитие европейской истории с XVI века как «последовательность сменяющихся центральных областей» — от теологического через метафизическое и гуманитарно-моральное к экономическому в XIX веке и техническому в XX. Этот процесс, который с точки зрения «Политической теологии» предстаёт как проблема отдельных

ступеней секуляризации, Шмитт интерпретирует в негативном ключе: буржуазно-романтическая субъективизация и эстетизация мира образует для него решающее звено на пути к «состоянию духа, которое находит в производстве и потреблении центральные категории человеческого существования». Здесь уместно вспомнить наблюдение Б.В. Межуева [18] о том, что шмиттовская критика либерализма, при всей её радикальности, отражала реальный кризис просвещенческого проекта, осознание которого стало общим местом европейской мысли первой трети XX столетия.

Шмиттовский диагноз распада классического европейского государства непосредственно связан с его пониманием политического. С переходом к либеральной массовой демократии носители суверенной государственной власти оказываются под натиском общественных сил и организаций. Если конституционализм XIX века с его твёрдыми опорами — лояльной армией и лояльным профессиональным чиновничеством — ещё мог уберечь государство от динамики либерализма, то «компромиссы» и корпоративистские элементы Веймарской конституции впервые позволили самым различным социальным группам, и прежде всего рабочему движению, реализовывать свои притязания в рамках конституционных форм. В этом контексте В.Д. Зорькин [19], анализируя кризис конституционализма, отмечает, что шмиттовская проблематика соотношения государства и общества сохраняет свою значимость и для современной российской конституционной теории, поскольку вопрос о границах между государственным и общественным не может считаться окончательно решённым ни в одной правовой системе.

Ключевое значение имеет анализ того, каким образом Шмитт воспринимает критику англосаксонской плюралистической теории государства. Шмитт признаёт, что при возрастающей социальной и функциональной дифференциации общества вертикальная привязанность к государству замещается горизонтальной системой различнейших обязательств и лояльностей, что индивид как член разнообразных «ассоциаций» всегда вплетён во множество преимущественно временных связей. Критику мнимого всемогущества государственного суверенитета Шмитт в значительной мере принимает. Однако он настаивает на том, что в каждом «подлинном» и «истинном» государстве в конечном счёте может существовать только «одно политическое единство, одна политическая общность». Для обретения этой уверенности политическое должно быть понято не как нечто субстанциально застывшее, а как степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которой могут проистекать из

самых различных сфер общественной жизни. Истоком же такой ассоциации или диссоциации является реальная возможность различения друга и врага. Как справедливо замечает О.Ю. Рыбаков [20] в своих работах по философии права, шмиттовская конструкция интенсивности политического представляет собой попытку преодолеть противоречие между признанием функциональной дифференциации общества и стремлением сохранить идею государственного единства.

Двойственность шмиттовской стратегии противостояния тотальному обобществлению жизни раскрывается в двух направлениях. С одной стороны, Шмитт возвещает наступление новой эпохи, которая должна удовлетворить его глубинную тоску по «возвращению к неповреждённой, некоррупцированной природе». С другой стороны, он закликает диалектический переворот в тотальную политизацию, способную достичь ядра процесса рационализации и в конечном счёте остановить его. Четырёхсотлетний процесс нейтрализаций и деполитизаций хотя и породил либерализм и вместе с ним демократическое тождество государства и общества, но, достигнув этой точки, к началу тридцатых годов стоит на пороге диалектического перехода в новый порядок. Подобно многим представителям буржуазной культурной критики двадцатых годов, Шмитт был уверен, что «машинно-массовая эпоха» с её нивелирующими тенденциями будет вскоре преодолена.

Примечательно, что Шмитт не ограничивается критикой технического века, но и приветствует его в уверенности, что сможет использовать его в своих целях. Предшествующий процесс рационализации, рассуждает Шмитт, варьируя знакомую и интеллектуальной элите мандаринов, и марксизму двадцатых годов мыслительную фигуру «отрицания отрицания», достиг своего конца вместе с установлением господства экономических и технических закономерностей. С.С. Алексеев в своих фундаментальных работах по теории права обращал внимание на сходную диалектику в понимании соотношения права и технического прогресса: право одновременно оказывается и сдерживающим началом по отношению к технической экспансии, и инструментом, вынужденным адаптироваться к её императивам [22].

Особую остроту проблеме придаёт демонстрация того, как поиск харизматических энергий толкает Шмитта ко всё более радикальным решениям, ведущим к элиминации всех рациональных опосредований буржуазного конституционного мышления. Уже в «Политической теологии» Шмитт заключает решение, которое, в прямом противоречии с решением его авторитета Доносо Кортеса, должно происходить «из ничего». В сочинении о парламентаризме [23] он трансформи-

рует понятие *volonté générale*¹ в понятие гомогенности, которое, в противоположность рационалистически сконструированной *volonté générale* Руссо [24], освобождается от всех определений разума и объявляется «природным» бытием. В «Диктатуре» [25] и «Учении о конституции» [26] Шмитт, в противоположность своему авторитету Сийесу [27], освобождает учение о *pouvoir constituant* от всех предзаданных естественно-правовых связей и возводит его до величины, проистекающей из чистого бытия. И в точно такой же манере Шмитт конструирует своё понятие политического: он вычёркивает все рациональные опосредования и ищет ступень сознания, лежащую прежде всякой рефлексии. Как точно замечает Лёвит [28], после этой операции остаётся лишь чистая «фактичность», «решение в пользу решения — безразлично в пользу чего, — потому что оно само по себе уже составляет специфическую сущность политического». Эта характеристика перекликается с наблюдениями И.Д. Осипова, подчёркивавшего, что шмиттовский децизионизм представляет собой крайнюю форму волюнтаризма, в которой содержание решения оказывается полностью подчинено самому факту его принятия [29].

Однако наиболее продуктивной и до сих пор актуальной представляется проблема того, в какой мере шмиттовские наблюдения об эрозии государственной власти подтверждаются последующим развитием. Надежда Шмитта на тотальную реполитизацию общества оказалась несостоятельной: ни итальянский фашизм, ни национал-социализм не сумели подчинить общество политико-правовому командованию. Франц Нейман [30] показал, что национал-социализм не сохранил, а разрушил рациональное административное государство, заменив его аморфной «организованной анархией» различных носителей власти. Вместе с тем шмиттовский диагноз распада классической государственной монополии на политику остаётся актуальным и в высшей степени продуктивным. Как отмечает Н.Н. Тарасов [31] в своих работах по методологии юридической науки, вопрос о пределах правового регулирования в условиях усложняющегося общества является одним из центральных для современного правоведения, и шмиттовская постановка этой проблемы, при всей её идеологической нагруженности, сохраняет методологическую ценность.

Проявления этой эрозии прослеживаются в нескольких измерениях. Во-первых, происходит существенная трансформация государственных функций: с ростом сложности регулируемых мате-

рий возрастает влияние администрации на законодательство, знание специализированного эксперта всё больше вытесняет компетенцию политика, управление в нарастающей мере освобождается от привязки к закону и административно-судебного контроля. Мир политики рискует превратиться, по выражению Шнабеля [32], в мир «политики без политиков». Ингеборг Маус [33] констатировала, что иерархия классической схемы разделения властей перевернулась: управление в конечном счёте полностью освобождается от предписаний законодателя. Этот процесс в российской правовой науке был подробно исследован Ю.А. Тихомировым [34], который указывал на нарастающее расхождение между нормативным регулированием и реальными административными практиками, на тенденцию к «саморегулированию» исполнительной власти, существенно опережающему законодательные рамки.

Во-вторых, фиксируется глубокая плюрализация государства. Партии и союзы вошли в параконституционное положение непосредственных участников государственной власти. Едва ли какой-либо современный государствовед стал бы утверждать, что парламентский закон является продуктом свободной дискуссии свободных народных представителей; скорее он представляет собой «плюралистическое соглашение», как выражается Бадур [35], или плюральные творческие акты «открытого общества законодателей», которые лишь на заключительном этапе контролируются Бундестагом как государственным органом, как отмечает Шультце-Филитц [36]. Интервенционистское социальное государство располагает лишь недостаточными средствами планирования и управления, что стоит в центре дискуссий о «некорпоратизме», «кооперативном государстве» и кризисе «регулятивной политики». Государство при управлении экономическими процессами зависит от внешней экспертизы и поддержки адресатов, что порождает глубокое переплетение регулирующих инстанций и организованных интересов. Парадоксальная формула Дитера Гримма [37] о «потере власти через прирост функций» оказывается вполне адекватной реальности. Для российской ситуации эти наблюдения приобретают особое звучание: как подчёркивал В.Е. Чиркин [38] в своих сравнительных государствоведческих исследованиях, проблема «проникновения» общественных интересов в государственный аппарат и размывания границ между публичным и частным характерна для всех современных государств, вне зависимости от их конституционной модели.

В-третьих, заслуживают внимания последствия научно-технического прогресса для госу-

¹ с франц. — «общая воля» или «всеобщая воля»

дарственного суверенитета и рациональности. Практически все законодательные акты, призванные защитить естественные основы жизни и обеспечить безопасность населения, работают на основе неопределённых правовых понятий. Технические генеральные понятия — такие как «состояние техники» или «состояние науки и техники» — составляют ядро природоохранного, водного, права в сфере использования атомной энергии. Через технику отсылки конкретизация составов вмешательства осуществляется в форме технических правил, которые чаще всего устанавливаются специальными экспертными организациями или заимствуются непосредственно из частной технической стандартизации. Райнер Вольф [39], наиболее глубоко исследовавший эту область, говорит об «устаревании права общества риска», которое замещено «техническим контролем посредством техники». Штефан Бройер [40] справедливо усматривает в этом не столько новую форму технократии, сколько включение правительства, парламента и администрации в механизм современной науки с её аксиологически нейтральной исследовательской практикой, основанной на принципе перманентной фальсификации. Эти проблемы активно обсуждаются и в российской юридической науке: С.А. Авакьян [41] неоднократно обращал внимание на вызовы, которые научно-технический прогресс бросает конституционному праву, на необходимость поиска новых форм правового регулирования технологических процессов, не сводимых к классическим моделям законодательного командования.

В качестве итога следует сформулировать вывод, который одновременно резюмирует критический потенциал шмиттовского наследия и указывает на его пределы. Актуальность «Понятия политического» состоит в осознании того, что конституционно-теоретическая концепция, в которой общество мыслится из политического порядка, а политический порядок — из единого, отдающего правовые команды субъекта (нации), более не находит соответствия в структурах современного общества. Расширение когнитивных измерений права и сопутствующее увеличение организационных и процедурных норм делает целесообразным, где это необходимо, размышление о функциональных эквивалентах властного управления. При этом предстоит прежде всего развивать новые процедуры, способные вновь привязать ставший самостоятельным процесс рационализации к плюралистическим процессам формирования воли. Однако встаёт фундаментальный вопрос: может ли при этом понятию демократии быть вновь присвоен тот ранг, который оно, возможно, имело в конституционных битвах XVIII и XIX веков?

Данная проблематика остаётся одной из наиболее значимых в исследованиях, связывающих шмиттовское наследие с современными вопросами теории государства и права. Для российской юридической и политико-философской мысли она представляет двойной интерес: с одной стороны, как образец кроссдисциплинарного анализа, преодолевающего границы отдельных дисциплин в изучении сложных интеллектуальных феноменов; с другой стороны, как источник понимания фундаментальных процессов трансформации государственности, которые в условиях глобализации, цифровизации и экологических вызовов приобретают ещё большую остроту.

Список литературы:

- [1] Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. — СПб. : Наука, 2016. — 293 с.
- [2] Vesting T. (1992). Erosionen staatlicher Herrschaft: Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt // Archiv des öffentlichen Rechts. Bd. 117. H. 1. P. 4–45.
- [3] Heller H. (1928). Politische Demokratie und soziale Homogenität // Probleme der Demokratie. Berlin ; Grunewald : Rothschild. P. 35–47.
- [4] Kuhn H. (1933). Rezension: Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Kant-Studien. Bd. 38. P. 190–196.
- [5] Strauss L. (1932). Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 67. H. 6. P. 732–749.
- [6] Löwith K. (1984). Der okkasionelle Dezisionismus von C. Schmitt // Löwith K. Sämtliche Schriften. Bd. 8. Stuttgart : Metzler. P. 32–71.
- [7] Böckenförde E.-W. (1991). Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts // Böckenförde E.-W. Recht, Staat, Freiheit. Frankfurt a.M. : Suhrkamp. P. 344–366.
- [8] Meier H. (1988). Carl Schmitt, Leo Strauss und «Der Begriff des Politischen». Zu einem Dialog unter Abwesenden. Stuttgart : Metzler. 170 p.
- [9] Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / А.Ф. Филиппов // Шмитт К. Политическая теология. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. — С. 5–46.
- [10] Филиппов А.Ф. Политическое и полицейское: Карл Шмитт в контексте современной социологии / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 3. — С. 75–91.
- [11] Schmitt C. (1916). Theodor Däublers «Nordlicht». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München : Georg Müller. 73 p.

- [12] Maschke G. (1982). Zum «Leviathan» von Carl Schmitt // Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Köln : Hohenheim. P. 179–244.
- [13] Donoso Cortés, J. (1851). Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid. 282 p.
- [14] Maistre J. de. (1819). Du Pape. Lyon. 685 p.
- [15] Maistre J. de. (1821). Les Soirées de Saint-Petersbourg. Paris. 564 p.
- [16] Bonald L. de. (1796). Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile. Paris. 495 p.
- [17] Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
- [18] Schmitt C. (1923). Römischer Katholizismus und politische Form. Hellaue : Jakob Hegner. 79 p.
- [19] Бокарев Ю.П. Геополитический подход в компаративных исторических исследованиях / Ю.П. Бокарев // Труды Института российской истории РАН. — 2004. — № 4. — С. 182–200.
- [20] Межуев Б.В. Карл Шмитт и современные проблемы теоретической политологии / Б.В. Межуев // Полития. — 2001. — № 2. — С. 150–166.
- [21] Межуев Б.В. Понятие политического: рецепция идей К. Шмитта в России / Б.В. Межуев // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 215–237.
- [22] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. — М. : Норма, 2011. 719 с.
- [23] Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен / В.Д. Зорькин. — М. : Норма, 2013. 495 с.
- [24] Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности / О.Ю. Рыбаков. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
- [25] Рыбаков О.Ю. Философия права : курс лекций / О.Ю. Рыбаков. — М. : Юрлитинформ, 2014.
- [26] Sombart N. (1991). Die deutschen Männer und ihre Feinde. Carl Schmitt — ein deutsches Schicksal zwischen Männerbund und Matriarchatsmythos. München ; Wien : Carl Hanser.
- [27] Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. — М. : Юридическая литература, 1981–1982.
- [28] Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия : опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. — М. : Статут, 1999.
- [29] Schmitt C. (1923). Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.
- [30] Rousseau J.-J. (1762). Du contrat social, ou Principes du droit politique. Amsterdam : Marc Michel Rey.
- [31] Schmitt C. (1921). Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.
- [32] Schmitt C. (1928). Verfassungslehre. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.
- [33] Sieyès E.-J. (1789). Qu'est-ce que le Tiers-État? Paris.
- [34] Осипов И.Д. Философия права : курс лекций / И.Д. Осипов. — СПб. : Издательство СПбГУ, 2009.
- [35] Осипов И.Д. Проблемы философии права в русской юридической мысли / И.Д. Осипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. — 2013. — № 3. — С. 64–72.
- [36] Neumann F. (1944). Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944. New York : Oxford University Press.
- [37] Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2001.
- [38] Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург : УрГЮА, 2010.
- [39] Schnabel F. (1970). Das Problem des Föderalismus im alten Reich // Schnabel F. Abhandlungen und Vorträge 1914–1965. Freiburg : Herder. P. 97–120.
- [40] Maus I. (1986). Verrechtlichung, Entrechtlichung und der Funktionswandel von Institutionen // Maus I. Rechtstheorie und Politische Theorie im Industriekapitalismus. München : Fink. P. 277–331.
- [41] Тихомиров Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. — М. : Наука, 1982.
- [42] Тихомиров Ю.А. Публичное право: падения и взлёты / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. — 1996. — № 1. — С. 3–12.
- [43] Тихомиров Ю.А. Государство / Ю.А. Тихомиров. — М. : Норма, 2013.
- [44] Badura P. (2004). Die parlamentarische Demokratie // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Bd. II. 3. Aufl. Heidelberg : C.F. Müller. § 25.
- [45] Schulze-Fielitz H. (1988). Theorie und Praxis parlamentarischer Gesetzgebung — besonders des 9. Deutschen Bundestages (1980–1983). Berlin : Duncker & Humblot.

[46] Grimm D. (1991). Die Zukunft der Verfassung. Frankfurt a.M. : Suhrkamp.

[47] Grimm D. (1987). Recht und Staat der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a.M. : Suhrkamp.

[48] Чиркин В.Е. Современное государство / В.Е. Чиркин. — М. : Международные отношения, 2001.

[49] Чиркин В.Е. Государствоведение / В.Е. Чиркин. — 2-е изд. — М. : Юристъ, 2000.

[50] Wolf R. (1986). Der Stand der Technik. Geschichte, Strukturelemente und Funktion der Verrechtlichung technischer Risiken am Beispiel des Immissionsschutzes. Opladen : Westdeutscher Verlag.

[51] Wolf R. (1987). Zur Antiquiertheit des Rechts in der Risikogesellschaft // Leviathan. Bd. 15. H. 3. P. 357–391.

[52] Breuer St. (1992). Die Gesellschaft des Verschwindens. Von der Selbstzerstörung der technischen Zivilisation. Hamburg : Junius.

[53] Breuer St. (2012). Carl Schmitt im Kontext. Intellektuellenpolitik in der Weimarer Republik. Berlin : Akademie-Verlag.

[54] Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / С.А. Авакьян. — 5-е изд. — М. : Норма, 2014.

[55] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. — 2-е изд. — М. : РЮИД ; Сашко, 2000.

References:

[1] Schmitt K. The Concept of the Political / K. Schmitt; trans. from German edited by A.F. Filippov. - St. Petersburg: Nauka, 2016. - 293 p.

[2] Vesting T. (1992). Erosion of Staatlicher Herrschaft: Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt // Archiv des öffentlichen Rechts. Bd. 117. No. 1. P. 4–45.

[3] Heller H. (1928). Political Democracy and Social Homogeneity // Probleme der Demokratie. Berlin; Grunewald: Rothschild. P. 35–47.

[4] Kuhn H. (1933). Rezension: Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Kant-Studien. Bd. 38. P. 190–196.

[5] Strauss L. (1932). Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 67. H. 6. P. 732–749.

[6] Löwith K. (1984). Der okkasionelle Deizismus von C. Schmitt // Löwith K. Sämtliche Schriften. Bd. 8. Stuttgart: Metzler. P. 32–71.

[7] Böckenförde E.-W. (1991). The Politics of the School of the Reformed Works of Carl Schmitts // Böckenförde E.-W. Recht, Staat, Freiheit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. P. 344–366.

[8] Meier H. (1988). Carl Schmitt, Leo Strauss and “The Politics of the School”. In a Dialogue under Abwesen. Stuttgart: Metzler. 170 p.

[9] Filippov A.F. Carl Schmitt. Rise and Fall / A.F. Filippov // Schmitt K. Political Theology. - Moscow: KANON-press-C, 2000. - P. 5–46.

[10] Filippov A.F. Political and Police: Carl Schmitt in the Context of Contemporary Sociology / A.F. Filippov // Sociological Review. - 2009. - Vol. 8, No. 3. - Pp. 75–91.

[11] Schmitt C. (1916). Theodor Däublers “Nordlicht”. Drei Studien über die Elemente, den Geist, und die Aktualität des Werkes. München : Georg Müller. 73 p.

[12] Maschke G. (1982). Zum “Leviathan” von Carl Schmitt // Schmitt C. Der Leviathan in der Staatstheorie des Thomas Hobbes. Köln : Hohenheim. Pp. 179–244.

[13] Donoso Cortés, J. (1851). Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo, el socialismo. Madrid. 282 p.

[14] Maistre J. de. (1819). Du Pape. Lyon. 685 p.

[15] Maistre J. de. (1821). Les Soirées de Saint-Petersbourg. Paris. 564 p.

[16] Bonald L. de. (1796). Theory of Political and Religious Societies in Civil Society. Paris. 495 p.

[17] Schmitt K. Political Theology. Four Chapters on the Doctrine of Sovereignty / Translated from German by Yu. Yu. Korinets // Schmitt K. The Concept of the Political. St. Petersburg: Nauka, 2016. pp. 5–59.

[18] Schmitt C. (1923). Roman Catholicism and Political Form. Hellerau : Jakob Hegner. 79 p.

[19] Bokarev Yu.P. Geopolitical Approach in Comparative Historical Research / Yu.P. Bokarev // Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. - 2004. - No. 4. - P. 182–200.

[20] Mezhuiev B.V. Carl Schmitt and Contemporary Problems of Theoretical Political Science / B.V. Mezhuiev // Polity. - 2001. - No. 2. - P. 150–166.

[21] Mezhuiev B.V. The Concept of the Political: Reception of K. Schmitt's Ideas in Russia / B.V. Mezhuiev // The Concept of “Revolution” in Contemporary Political Discourse / edited by L.E. Blakher, B.V. Mezhuiev. — St. Petersburg: Aletya, 2008. — Pp. 215–237.

[22] Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia / V.D. Zorkin. — Moscow: Norma, 2011. 719 p.

[23] Zorkin V.D. Law in the Context of Global Change / V.D. Zorkin. — Moscow: Norma, 2013. 495 p.

- [24] Rybakov O.Yu. Russian Legal Policy in the Sphere of Protecting Individual Rights and Freedoms / O.Yu. Rybakov. — St. Petersburg. : Juridical Center Press, 2004.
- [25] Rybakov O. Yu. Philosophy of Law: A Course of Lectures / O. Yu. Rybakov. - Moscow: Yur-litinform, 2014.
- [26] Sombart N. (1991). The German People and Their Feind. Carl Schmitt - a German Schicksal zwischen Männerbund and Matriarchal Myths. Munich; Vienna: Carl Hanser.
- [27] Alekseev S. S. General Theory of Law: in 2 volumes / S. S. Alekseev. - Moscow: Legal Literature, 1981-1982.
- [28] Alekseev S. S. Law: ABC - Theory - Philosophy: An Experience of a Comprehensive Study / S. S. Alekseev. - M.: Statute, 1999.
- [29] Schmitt C. (1923). Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.
- [30] Rousseau J.-J. (1762). Du contrat social, ou principes du droit politique. Amsterdam: Marc Michel Rey.
- [31] Schmitt C. (1921). Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.
- [32] Schmitt C. (1928). Verfassungslehre. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.
- [33] Sieyès E.-J. (1789). What is the Tiers-État? Paris.
- [34] Osipov I.D. Philosophy of Law: A Course of Lectures / I.D. Osipov. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2009.
- [35] Osipov I.D. Problems of the Philosophy of Law in Russian Legal Thought / I.D. Osipov // Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. — 2013. — No. 3. — P. 64–72.
- [36] Neumann F. (1944). Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944. New York: Oxford University Press.
- [37] Tarasov, N.N. Methodological Problems of Legal Science. Yekaterinburg: Humanitarian University Publishing House, 2001.
- [38] Tarasov, N.N. Methodological Problems of Modern Jurisprudence. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 2010.
- [39] Schnabel, F. (1970). The Problem of Federalism in the Old Reich. Schnabel, F., Abhandlungen und Vorträge 1914–1965. Freiburg: Herder, pp. 97–120.
- [40] Maus, I. (1986). Religious Theory, Entrechtlichung, and the Functions of Institutions. Maus, I., Religious Theory and Political Theory in Industrial Capitalism. Munich: Fink. P. 277–331.
- [41] Tikhomirov Yu.A. Theory of Law / Yu.A. Tikhomirov. - Moscow: Nauka, 1982.
- [42] Tikhomirov Yu.A. Public Law: Ups and Downs / Yu.A. Tikhomirov // State and Law. - 1996. - No. 1. - Pp. 3–12.
- [43] Tikhomirov Yu.A. State / Yu.A. Tikhomirov. - Moscow: Norma, 2013.
- [44] Badura P. (2004). Die parlamentarische Demokratie // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbook of the State Law of the Bundesrepublik Germany. Bd. II. 3. Aufl. Heidelberg: C.F. Müller. § 25.
- [45] Schulze-Fielitz H. (1988). Theory and Practice of Parliamentary Government — Besonders des 9. Deutschen Bundestages (1980–1983). Berlin: Duncker & Humblot.
- [46] Grimm D. (1991). The Development of Parliament. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- [47] Grimm D. (1987). The Concept and State of the Burgess State. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- [48] Chirkin V.E. The Modern State / V.E. Chirkin. — Moscow: International Relations, 2001.
- [49] Chirkin V.E. Political Science / V.E. Chirkin. — 2nd ed. - M.: Yurist, 2000.
- [50] Wolf R. (1986). Der Stand der Technik. Geschichte, Strukturelemente und Funktion der Verrechtlichung technischer Risiken am Beispiel des Immissionsschutzes. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- [51] Wolf R. (1987). Zur Antiquiertheit des Rechts in der Risikogesellschaft // Leviathan. Bd. 15. H. 3. P. 357–391.
- [52] Breuer St. (1992). Die Gesellschaft des Verschwindens. Von der Selbstzerstörung der technischen Zivilisation. Hamburg: Junius.
- [53] Breuer St. (2012). Carl Schmitt in Kontext. Intellektuellenpolitik in der Weimarer Republik. Berlin: Akademie-Verlag.
- [54] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes / S.A. Avakyan. — 5th ed. — Moscow: Norma, 2014.
- [55] Avakyan S.A. Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity / S.A. Avakyan. — 2nd ed. — Moscow: RYUID; Sashko, 2000.

